



А.И. Пчелинцев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

«БРАТЬ ЖЕ ЕГО МОЛОДШИ... НЕ СЪТУПИСЯ ЕМУ КНЯЖЕНА»: О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОЙ МЕЖДОУСОБИЦЫ В СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКОМ КНЯЖЕСТВЕ

Статья посвящена событиям первой половины 60-х гг. XIV века в Суздальско-Нижегородском княжестве. В центре статьи находятся вопросы о точной датировке событий междоусобицы, достоверности сведений о пострижении Андрея Константиновича в 1364 г., а также о причинах возмущения Бориса Константиновича.

Русь эпохи Дмитрия Донского, Суздальские Рюриковичи, Нижний Новгород, междоусобица, удельный строй, Рогожский летописец, Никоновская летопись.

Нельзя сказать, что события внутренней истории Суздальско-Нижегородского княжества в первой половине 60-х годов XIV века не изучены. Напротив, историки с достаточной периодичностью подчеркивали влияние междоусобицы среди потомков великого князя Константина Васильевича на положение Нижнего Новгорода среди русских земель: А.Е. Пресняков указывал на присоединение княжества на правах «молодшего брата» к политической системе, созданной Москвой [11, с. 270], Л.В. Черепнин писал о фактическом лишении Нижнего Новгорода части суверенитета [17, с. 555], Г.А. Федоров-Давыдов – о превращении великого Суздальско-Нижегородского княжества в княжение «второго ранга» [15, с. 26].

Это список исследователей, оставивших свое мнение о роли и значении первой междоусобицы в нижегородской истории, безусловно, далеко не полон. Однако нетрудно заметить, что их подход грешит односторонностью в освещении событий. В первую очередь, это касается некоторой «московцентричности» историков, во главу угла ставивших отказ Дмитрия Константиновича от соперничества с юным Дмитрием Ивановичем Московским за великокняжеский ярлык на Владимир, и вообще изменений баланса сил в Северо-Восточной Руси.

Между тем остается несколько полузабытых и почти неизученных моментов, связанных с указанными выше событиями, но решенных как бы по умолчанию. Во-первых, это вопрос о датировке междоусобицы: 1363–1364 годами или 1365 годом. Во-вторых, неясна ситуация с великим князем Андреем Константиновичем, то ли отстранившимся от дел, то ли вовсе постриженным в монахи. В-третьих, нет ответа на вопрос: в чем причины усобицы, едва не похоронившей княжество? Настоящая статья есть попытка ответить сразу на все вопросы.

Под 1363 годом Рогожский летописец сообщает нам о попытке Дмитрия Константиновича въехать в Нижний Новгород, но «братъ же его молодшии князь Борисъ не съступися ему княжения» [9, стб. 74]. Ряд летописей – новгородско-софийского цикла (середине

на XV века), а также Никоновский свод первой половины XVI века – сообщают о борьбе между вторым и третьим сыновьями Константина Васильевича под 1365 год [8, с. 4–6]. Симеоновская летопись относит конфликт между братьями к 1364 году [10, с. 103]. Соответствующим образом распределились и исследователи: дореволюционная их часть (В.Н. Татищев, Н.И. Храмцовский и А.Е. Пресняков) склонялась к первой датировке (1365 год) [14, с. 115–116; 16, с. 40–42; 11, с. 269], тогда как советские и современные исследователи (В.А. Кучкин, А.А. Горский, П.В. Чеченков) – ко второй (1363–1364 годы) [6, с. 247–249; 2, с. 145; 18, с. 322–323].

Пожалуй, только современным исследователем Д.С. Таловиным в своей кандидатской диссертации предложена аргументация в пользу 1365 года как окончательной даты произошедшей распри. Его теория опирается на сообщение о сборе сторонников Дмитрия Константиновича с отрядами и боярами после поражения в 1363 году именно в Нижнем Новгороде, что, по мнению исследователя, вряд ли бы позволило Борису Константиновичу осуществить захват власти. Кроме того, историк доверяет свидетельству о пострижении Андрея Константиновича в 1364 году, т.е. через год после датировки Рогожским летописцем начала борьбы между братьями, что, по его мнению, противоречит логике событий междоусобицы [13, с. 102–103].

Справедливости ради следует отметить, что Таловин опирался в своих изысканиях на значительно более поздние летописные своды по сравнению с исследуемыми событиями. Между тем Рогожский летописец упоминает изгнание с галичского стола сторонника Дмитрия-Фомы, однако не указывает, куда именно он отправился [9, стб. 74]. Сбор в Нижнем Новгороде зависимых от Дмитрия-Фомы князей кажется странным по двум причинам. Во-первых, отказавшийся от великого Владимирского княжения в 1360 году Андрей ясно подчеркивал свое нежелание конфликтовать с Москвой и вряд ли помог брату. Во-вторых, все в том же 1363 году Дмитрий Константи-

нович пытался вторично сесть на великое княжение. И, хотя в тексте летописи нет указания, откуда он приехал, мы знаем, что из Владимира князь бежал в отчинный Суздаль, а вовсе не в отдаленный Нижний Новгород [9, стб. 74]. В Суздаль же Дмитрий-Фома уехал с великого княжения и в 1362 году [9, стб. 72].

Что же до происхождения известия Никоновского свода об усобице под 1365 годом, то оно, вероятнее всего, попало туда из Симеоновской летописи, которую, как выяснил Б.М. Клосс, активно использовал митрополит Даниил для компиляции текстов [4, с. 146]. В свою очередь, Симеоновская летопись, дошедшая до нас в единственном списке начала XVI века, как обнаружил все тот же Б.М. Клосс, в части своих известий подверглась влиянию более поздних великокняжеских летописных сводов 1479 года и конца XV века. В частности, изменениям подвергся период 6869–6872 (1361–1364) годов [5, с. V]. По всей видимости, интерес московского летописания к изменению именно этого фрагмента следует связывать с желанием «подправить» повествование о сложном периоде борьбы Дмитрия Ивановича Московского и Дмитрия Константиновича Суздальского.

Изменения же в датировке усобицы – 1364 год в Симеоновской летописи и 1365 год в великокняжеском своде конца XV века и Никоновской летописи – связаны с изменением стилей. Для Симеоновской летописи, основным источником которой до 1391 года является Троицкая летопись, в известиях XIV века характерен мартовский стиль [1, с. 27], тогда как для двух последних сводов – сентябрьский.

Кажется необходимым отметить и тот факт, что в Симеоновской и Никоновской летописях рассказ о междоусобице кажется весьма схематичным. Более того, можно с трудом представить, что за один год произошло столько событий: приезд Дмитрия Константиновича в Нижний Новгород с матерью и епископом Алексеем, посылка в Орду одновременно Василия Кирдяпы и гонца от Бориса Константиновича (и их возвращение в том же году!), поход в Нижний Сергия Радонежского (шедшего пешком), движение московско-суздальской рати на Бориса, смерть епископа Алексея, у которого до этого митрополит успел отнять права на управление Нижним Новгородом и Городцом. Очевидно, в реальности все было иначе.

Еще одна попытка Д.С. Таловина обосновать датировку междоусобицы 1365 годом, связана с известием о приходе Василия Кирдяпы из Орды с ярлыком от хана Азиз-шейха («царя Озиза» в русских источниках), который начал править в Орде якобы только с 1365 года [13, с. 104–106]. Однако тюрколог А.П. Григорьев указывает на тот факт, что монетная чеканка Азиз-шейха известна в Новом Сарае с 766 года хиджры (28.IX.1364 – 17.IX.1365 годы по юлианскому календарю) [3, с. 36]¹. Таким образом, эта датировка

начала правления Азиз-шейха абсолютно не противоречит известиям Рогожского летописца.

Итак, можно подвести предварительные выводы. Отнесение Никоновской летописью событий междоусобицы в Суздальско-Нижегородском княжестве к 1365 году представляется неверным. По всей видимости, правильной следует признать датировку по Рогожскому летописцу – 1363–1364 годы.

Теперь необходимо рассмотреть известие о пострижении Андрея Константиновича в 1364 году, находящееся также в Никоновской летописи [8, с. 3]. Б.М. Клосс относит данное свидетельство к уникальным данным, содержащимся в своде [4, с. 183], однако так и не объяснил его происхождение. Между тем ни один из более ранних летописных источников не сообщает нам об этом событии.

Подобного известия нет и в житии княгини Вассы (Анастасии до иночества) – дочери тверского боярина Ивана Киясовского и жены Андрея Константиновича, принявшей после его смерти монашеский постриг. Краткий рассказ о ее жизни включен в Рогожский летописец под 6886 годом (1378 год). В нем сообщается, что свадьба Вассы и Андрея произошла в 1343 году, а в целом в браке супруги прожили 24 года (т.е. до 1367 года) [9, стб. 132]. В Пространной редакции жития, изученной и опубликованной А.А. Романовой, указан тринадцатилетний период нахождения в браке (т.е. до 1356 года) [12, с. 613]. Нетрудно заметить, что хронология текстов неточна в датировке смерти князя, однако ни в одном из текстов нельзя обнаружить даже намек на уход Андрея в монастырь и расторжение брака, которое бы неминуемо за этим последовало. Напротив, сама княгиня уходит в монастырь только после смерти супруга, хотя в текстах неоднократно подчеркивается ее стремление едва ли не с детства стать «невестой Христовой», а Зачатьевский монастырь, в котором Васса приняла постриг, как свидетельствует Рогожский летописец, княгиня «иже сама создала при князи своемъ» [9, стб. 132].

Андрей Константинович действительно встретил смерть в 1365 году «в чернецахъ и скиме», однако это была распространенная практика подготовки к встрече с Всевышним среди княжеских родов средневековой Руси. Рогожский летописец сообщает, что отец Андрея, Константин Васильевич, также принял постриг перед смертью [9, стб. 64]. Но в этом случае становится очевидным, что междоусобица разыгралась во время его княжения. Как такое могло быть? Здесь следует принять во внимание предположение В.А. Кучкина о политической пассивности Андрея Константиновича вообще [6, с. 226]. Вполне возможно, что князь полностью отошел от активной деятельности по управлению княжеством, чем невольно и спровоцировал столкновение между младшими братьями. Рискнем предположить, что известие Никоновской летописи о пострижении Андрея в год, предшествовавший началу усобицы, было необходимо редактору текста как возможное объяснение создавшейся ситуации.

Последний вопрос, который планируется рассмотреть в настоящей статье – это причины возмущения Бориса Константиновича против своего старшего брата. На наш взгляд, они непосредственно связаны с

¹ Справедливости ради следует отметить, что А.П. Григорьев полагал, что в 1364–1365 годах в Орде идет борьба между Азиз-шейхом, Абдуллой и Хайра Пуладом, в которой в 1365 году победил первый. Эта теория основана исключительно на убежденности, что резчики монет Абдуллы и Пулада ошиблись, вырезав на их монетах 762 год хиджры вместо 766 [3, с. 37–39]. Между тем факт остается фактом – достоверно известна чеканка монеты в 766 г.х. в Новом Сарае только Азиз-Шейха.

удельной системой Суздальско-Нижегородского княжества.

Смерть Константина Васильевича в 1355 году, несомненно, означала для великого княжества определенный рубеж в его истории и прежде всего в отношении его политико-территориального устройства. В настоящее время не сложилось единого мнения относительно существования духовной грамоты Константина Васильевича и ее содержания, поскольку ни один современный эпохе источник не упоминает ее. Это стало причиной появления различных точек зрения относительно появившейся системы уделов и их количества. Первым по этому поводу высказался Н.И. Храмцовский [16, с. 37], указавший на появление по инициативе уже Андрея Константиновича, оставившего себе Нижний Новгород, уделов с центрами в Суздале и Городец во главе с Дмитрием и Борисом Константиновичами соответственно. Четвертый брат Дмитрий Ноготь, по мнению историка, «кажется, не получил никакого удела и жил в Суздале» [16, с. 37]. С точкой зрения Н.И. Храмцовского позже согласился А.В. Экземплярский [19, с. 404].

Предположение о существовании специального завещания Константина Васильевича было выдвинуто А.Е. Пресняковым. Отцовский «ряд», согласно его теории, и закрепил за вторым и третьим сыном Суздаль и Городец [11, с. 265]. Уже во второй половине XX века с тезисом Преснякова согласился и В.А. Кучкин. Он же локализовал и надел Дмитрия Константиновича Ногтя – села и угодья вокруг Суздаля и многочисленные земельные угодья в среднем и нижнем течении рек Уводы, Ухтомы и Вязьмы [6, с. 220–223].

Особняком стоит концепция нижегородского историка П.В. Чеченкова. Не отрицая возможности существования духовной грамоты Константина Васильевича, историк пришел к выводу о нижегородско-городецкой части великого княжества при Константине Васильевиче и Андрее Константиновиче как о великокняжеском «примысле», что, соответственно, означало невозможность для Бориса Константиновича обладания Городцом до 1363/64 годов. П.В. Чеченков также выдвинул версию о возможном совместном владении Суздалем младшими братьями Андреем Константиновичем (выраженном в определении «Суждалскими»), доминирование в котором Дмитрия-Фомы он объяснил его старшинством и «активной политической позицией в вопросе о старшем столе Северо-Восточной Руси» [18, с. 323–324].

Полагаем, что концепция Чеченкова позволяет снять некоторые неясные до настоящего времени вопросы. Дело, как представляется, не только в том, что третий сын Константина Васильевича был «энергичный и тщеславный» [13, с. 151]. Его энергии и тяге к власти не хватало только одного – достойного удела. Не получив его при старшем брате, у Бориса не могло быть никаких иллюзий и по отношению к Дмитрию Константиновичу, к тому же имевшего на 1363 год трех сыновей, старшему из которых, Василию Кирдяпе, уже было 13 лет². В этой ситуации на-

дежд на наследование или получение какого-нибудь стола уже не оставалось.

Если внимательно присмотреться к известию Рогожского летописца под 1363 годом, то вполне можно заметить, что из Суздаля в Нижний Новгород пришел Дмитрий Константинович, когда Борис, уже находившийся в городе, не уступил ему власть [9, стб. 74]. В тексте абсолютно нет намеков на то, что Борис Константинович откуда-то пришел в столицу княжества. По всей видимости, младший брат все время находился в Нижнем, не обладая полноценным уделом.

Характерно, что, получив в удел Городец, Борис вплоть до смерти Дмитрия-Фомы в 1383 году вел себя как вполне лояльный вассал и послушный брат. Городецкий князь активно расширял границы Суздальско-Нижегородского княжества на востоке, участвовал в общерусском походе на Тверь в 1375 году [9, стб. 85, 100, 110]. По всей видимости, выделение нового территориального образования внутри княжества в достаточной степени удовлетворило Бориса Константиновича.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Борьба между Дмитрием и Борисом Константиновичами происходила в 1363–1364 годах, а самым надежным источником для изучения этих событий является Рогожский летописец. Андрей Константинович не был пострижен в монахи в 1364 году, а просто отдался от дел. Наконец, основной причиной междоусобицы стала неразвитость удельного строя Суздальско-Нижегородского княжества.

Литература

1. Бережков, Н.Г. Хронология русского летописания / Н.Г. Бережков. – Москва, 1963.
2. Горский, А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV веков / А.А. Горский // Средневековая Русь – 2004. – Москва, 2004. – С. 140–171.
3. Григорьев, А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в.: хронология правления / А.П. Григорьев // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – Ленинград, 1983. – Вып. VII. – С. 9–54.
4. Клосс, Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков / Б.М. Клосс. – Москва, 1980.
5. Клосс, Б.М. Предисловие к изданию 2007 г. / Б.М. Клосс // Полное собрание русских летописей. – Москва, 2007. – Том XVIII. Семионовская летопись. – С. V–VI.
6. Кучкин, В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV веках / В.А. Кучкин. – Москва, 1984.
7. Полное собрание русских летописей. – Петроград, 1915. – Том 4. Новгородская и Псковская летописи. – Ч. 1. Новгородская четвертая летопись.
8. Полное собрание русских летописей. – Санкт-Петербург, 1897. – Том 11. Патриаршая или Никоновская летопись.
9. Полное собрание русских летописей. – Петроград, 1922. – Том 15. – Вып. 1. Рогожский летописец.
10. Полное собрание русских летописей. – Москва, 2007. – Том 18. Симеоновская летопись.
11. Пресняков, А.Е. Образование Великодержавного государства: очерки по истории XIII–XV столетий / А.Е. Пресняков. – Петроград, 1918.
12. Романова, А.А. Житие Вассы (Феодоры) Нижегородской: пространная (компилятивная) редакция / А.А. Романова // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 601–614.

² Василий Кирдяпа родился в 1350 году. См.: [19, с. 424]

13. Таловин, Д.С. Великое Нижегородско-Суздальское княжество (1341–1392 гг.) в системе земель Северо-Восточной Руси: дис. ... канд. ист. наук / Таловин Д.С. – Нижний Новгород, 2001.
14. Татищев, В.Н. Собрание сочинений. – Москва, 1996. – Том V. История Российская. – Ч. 3.
15. Федоров-Давыдов, Г.А. Монеты Нижегородского княжества / Г.А. Федоров-Давыдов. – Москва, 1989.
16. Храмцовский, Н.И. Краткий очерк истории и описание Новгорода / Н.И. Храмцовский. – Нижний Новгород, 2014.
17. Черепнин, Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: очерки социально-экономической и политической истории Руси / Л.В. Черепнин. – Москва, 1960.
18. Чеченков, П.В. Суздальские Рюриковичи и территориально-политическое устройство Нижегородского княжества / П.В. Чеченков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. – Москва, 2008. – С. 319–339.
19. Экземплярский, А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1328 по 1505 г. / А.В. Экземплярский. – Санкт-Петербург, 1891. – Т. 2.

A.I. Pchelintsev

**« HIS YOUNGER BROTHERS ... DID NOT CONCEDE REIGNING TO HIM »:
ON PROBLEMS OF STUDYING OF THE FIRST CIVIL STRIFE IN THE SUZDAL
AND NIZHNY NOVGOROD PRINCIPALITY**

The article explores the events of the first half of 1360s in the Suzdal-Nizhny Novgorod principality. The article focused on the questions on the exact dating of the events of the fraternal strife, reliability of data on Andrey Konstantinovich's taking of monastic vows in 1364, and the reasons of the indignation of Boris Konstantinovich.

Russia in Dmitry Donskoy's era, the Suzdal Ryurik dynasty, Nizhny Novgorod, fraternal strife, apanage system, the Rogozhsky Chronicle (“Rogozhsky letopisets”), Nikon Chronicle (“Nikonovskaya letopis”).